

## ОТЗЫВ

**официального оппонента Урюпина Игоря Сергеевича, доктора филологических наук, доцента, на диссертацию Колышевой Елены Юрьевны «Трансформация художественного замысла романа М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”», представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)**

Современное булгаковедение, динамично развивающаяся отрасль литературоведческой персонологии, преодолев «точку бифуркации», критический объем накопленного эмпирического и аналитического материала, касающегося разных аспектов в изучении жизни и творчества автора самого загадочного русского романа прошлого века «Мастер и Маргарита», представляет собой нелинейную, неравновесную систему взаимоисключающих научных школ и направлений, исследовательских парадигм и концептуальных подходов к осмыслению феномена М. А. Булгакова, «несоветского писателя советского времени», как точно назвала его В. В. Гудкова в своей недавней монографии, в которой указала на векторы изучения художественного наследия одного из ярчайших представителей отечественной литературы XX столетия. Массив написанного о М. А. Булгакове и его произведениях за последние сорок – пятьдесят лет уже насчитывает десятки, а может быть, и сотни терабайтов информации, которые необходимо освоить ученому, чтобы проложить в безграничном океане булгаковедения свой исследовательский курс. Умножающиеся в геометрической прогрессии научные работы, посвященные «закатному роману» писателя, его анализу и интерпретации во всевозможных контекстах и ракурсах, существенно расширили смысловое поле филологии, обогатили его междисциплинарными и кросс-культурными взаимосвязями и взаимовлияниями, вывели литературоведение на передовые позиции гуманитаристики.

Парадоксально, но самое изучаемое произведение русской литературы XX века на сегодняшний день не имеет «канонического» (академического) инварианта текста. Все издания романа «Мастер и Маргарита», которых насчитываются десятки, восходят к либо к публикации, подготовленной А. А. Саакянц в 1973 году, либо к публикации Л. М. Яновской 1990 года. Эти версии булгаковского романа, существенно отличающиеся друг от друга стилистически, а порой и по смыслу, никто из булгаковедов в силу невероятной трудоемкости текстологической работы, не пытался соотнести с различными редакциями самого первоисточника, чтобы установить его окончательный, подлинный вариант, и это при том, что творческая история романа «Мастер и Маргарита» не раз становилась предметом тщательных филологических изысканий. Появление диссертации Е. Ю. Колышевой, *научная актуальность* которой несомненна и продиктована необходимостью окончательного разрешения проблемы завершенности / незавершенности, целостности / принципиальной дискретности романа «Мастер и Маргарита», оказалось обусловлено самой «логикой» развития булгаковедения, его теорией и практикой: все современные концепции, которые актуализированы в литературоведческом, лингвистическом и шире – культурологическом, философском и даже религиоведческом и богословском – дискурсах, опрокинутые на изучение творческого наследия М. А. Булгакова, нуждаются в конкретном, окончательном тексте романа, претерпевшем в ходе реализации авторского замысла образную и идейную трансформацию. Ее всестороннее и многоаспектное осмысление и стало *целью* диссертации Е. Ю. Колышевой.

Изучив все имеющиеся черновики разных редакций романа, документы, непосредственно и опосредованно связанные с главной книгой писателя и хранящиеся в различных архивах России, исследователь впервые методом динамической транскрипции осуществила языковую и смысловую реконструкцию романа «Мастер и Маргарита», продемонстрировав весь процесс создания произведения, движение авторской мысли от идейного импульса к художественному воплощению образов и сюжетных ходов; соискатель выявила все

возможные стратегии булгаковского текстопорождения в синтагматике и парадигматике. *Научная новизна* диссертации Е. Ю. Колышевой, помимо введения в исследовательское поле булгаковедения массива ранее не известных фактологических источников историко-культурного, документально-биографического, археографического характера, заключается в репрезентации модели окончательного текста романа «Мастер и Маргарита» как многомерного художественного феномена. Системный анализ произведения, осуществленный с учетом его полигенетической образной природы и текстовых модификаций в ходе творческого развертывания авторского замысла, позволил диссертанту на новом витке развития литературоведческой и текстологической мысли по-иному осветить уже хорошо изученные вопросы поэтики романа, его стилевой организации, составляющие *теоретическое значение исследования*.

Сами по себе формально-содержательные проблемы, которые попыталась разрешить Е. Ю. Колышева в своей диссертации и вынесла в положения на защиту (композиция «текста в тексте», пространственно-временной континуум, теодицея и христология, нравственно-философская концепция М. А. Булгакова, художественная трансформация евангельского претекста, диалектика добра и зла, оппозиция света и тьмы, Бога и дьявола, конфликт писателя и власти, свободы и необходимости, типология героев, антиномия милосердия и трусости, творческая лаборатория автора романа и ее принципы), в булгаковедении не только давно поставлены, но и неоднократно разрешены, а в некоторой степени даже стали общими местами едва ли не большинства исследований, посвященных «Мастеру и Маргарите». Обо всех тезисах, заявленных в положениях, существует на сегодняшний день немалая библиография, кстати говоря, во многом учтенная соискателем в ходе подготовки и верификации собственной научной концепции. Однако ценность капитального труда Е. Ю. Колышевой отнюдь не в этом, а в том, что в процессе словесной (по сути – лингвистической) реконструкции произведения, максимально приближенного к последней творческой воле автора, впервые обнаружилось

ранее не замеченные, не сфокусированные и не отрефлексированные читателями и профессиональными толкователями булгаковской книги смыслы, семантические пласты текста, которые вывели исследователя на новый уровень литературоведческого осмысления дискурсивной поэтики романа, что определяет *практическую значимость диссертации* (помимо всего того, что о ней весьма скромно сообщает соискатель).

Е. Ю. Колышева попыталась не только пройти от начала до конца путь своих предшественников, первооткрывателей «Мастера и Маргариты» для отечественного читателя, перепроверив, сличив каждое слово булгаковского текста из рукописи / машинописи с его печатным вариантом, обнаружив при этом немало неточностей, а порой и ошибок, но и пошла дальше – выверила и исправила все погрешности и даже опубликовала самый полный и точный (возможно, окончательный!) вариант романа. При этом диссертанту, разумеется, пришлось доказывать правомерность и необходимость собственной текстологической работы: изыскания М. О. Чудаковой, Л. М. Яновской подверглись критическому осмыслению, представленный ими материал и сделанные на его основе выводы Е. Ю. Колышева считает во многом отвлеченными, поскольку для анализа использовались лишь отдельные фрагменты (мотивы, образы, эпизоды), а не весь текст романа в динамике его порождения, «несмотря на то, что оба исследователя работали с архивом Булгакова» (т. 1, с. 14).

А известного современного булгаковеда Б. В. Соколова, защитившего первую в нашей стране докторскую диссертацию по роману «Мастер и Маргарита», его творческой истории (но не в Институте мировой литературы им. А. М. Горького в 1991 году, где готовилась работа, а в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова в 1992 году), Е. Ю. Колышева вообще упрекает в том, что он «не работал с черновиками романа, цитаты из черновиков приводятся по изданиям В. И. Лосева» (т. 1, с. 16). С этим утверждением трудно согласиться, ведь публикации В. И. Лосева с текстами разных редакций «Мастера и Маргариты» в качестве отдельных изданий появились

лишь в 1992 году и позднее, когда диссертация Б. В. Соколова была уже представлена научной общественности. В процессе работы над своим исследованием Б. В. Соколов изучал неопубликованные редакции романа М. А. Булгакова в оригинале и в виде микрофильмов, которые предоставлял ему В. И. Лосев, имевший непосредственный доступ к булгаковским материалам в Отделе рукописей ГБЛ (ныне РГБ). Результатом кропотливого фактологического и фактографического труда Б. В. Соколова явилась концепция творческой истории романа «Мастер и Маргарита», отличающаяся солидной теоретико- и историко-литературной аргументацией, которую Е. Ю. Колышева поставила под сомнение, упрекнув ученого в том, что его работа «является исследованием не творческой истории романа, а его генеалогии» (т. 1, с. 17). И хотя само слово «генеалогия» Б. В. Соколовым не употребляется, вполне допустимо, что в его диссертации генеалогический аспект, конечно же, присутствует, тем более что в цитируемой Е. Ю. Колышевой книге Н. К. Пиксанова «Творческая история “Горя от ума”» (М.: Наука, 1971) термин «генеалогия» используется в двух разных значениях: на странице 42 под генеалогией понимается соотношение окончательного текста с более ранними редакциями, а на странице 381 генеалогия связывается с установлением исторических и реальных источников (прототипов) художественных образов. Выходит, что само противопоставление «творческой истории» и «генеалогии» лишено смысла, ведь при изучении источников, литературных и реальных, Н. К. Пиксанов требовал учитывать «те творческие процессы, какими чужой материал осваивался и перерабатывался поэтом» (с. 30). Таким образом, источники, которые, трансформируясь, прямо или косвенно обнаруживаются в самом произведении, в свидетельствах автора и современников, а также в разного рода внешних документах, к которым обращался писатель в ходе воплощения своего художественного замысла, входят в творческую историю текста. Этому, в сущности, посвящена и диссертация самой Е. Ю. Колышевой (особенно ее вторая и третья главы, в которых предлагаются новые версии некоторых прототипов булгаковских героев с учетом введенного в научный оборот архивного материала).

Вообще неоспоримой заслугой соискателя является тщательная проработка, а по сути написание самодостаточной истории текста романа «Мастер и Маргарита» на основе всех имеющихся на сегодняшний день архивных источников. Е. Ю. Колышева впервые детально проанализировала все шесть редакций романа, проследила, как менялась композиция, сюжет, выстраивалась образная система произведения. Исследователь исходила исключительно из тех документов, которые существуют в наличии в архивохранилищах России. Именно поэтому Е. Ю. Колышева попыталась отвергнуть некоторые фактические допущения авторитетных булгаковедов: в частности, «миф о машинописном тексте романа первой редакции» (т. 1, с. 12), «миф о пропавших тетрадах» (т. 1, с. 13), в существовании которых были убеждены М. О. Чудакова и Л. М. Яновская. Отсутствие этих тетрадей в РГБ вовсе не является доказательством того, что их никогда не было. Во всяком случае версия творческой истории «Мастера и Маргариты» Е. Ю. Колышевой и без этих «мифических» тетрадей заслуживает серьезного внимания, равно как и весьма оригинальная, хотя и не бесспорная, концепция художественного времени, которая у самого писателя сформировалась далеко не сразу: эволюционировала / инволюционировала от одной редакции произведения к другой.

В многочисленных таблицах, в которых наглядно демонстрируется ход изменения булгаковского текста, фиксируются его модификации и трансформации, Е. Ю. Колышева показывает, как выстраивается хронологическая ось романа, сконцентрированная вокруг «Пасхи как вечного события» (т. 1, с. 237). В булгаковедении утвердилось мнение, что время действия романа «Мастер и Маргарита» – 1929 год, ибо в XX веке майская Пасха по новому стилю выпадала дважды: в 1929 году и в 1918 году. Во всех редакциях романа писатель указывал разный год разворачивающихся событий в современной ему Москве. Исследователь предположила, что «Булгакову был нужен не конкретный год, а Страстная неделя и Пасха как повторяющееся событие» (т. 1, с. 239). Более того, в черновиках писатель обозначал «тот год, когда он писал

роман в данный конкретный момент» (т. 1, с. 239), тем самым возрастала семантическая и эпистемологическая плотность текста, в нем сопрягались различные эпохи и переплетались историко-культурные реалии – иными словами: обеспечивалась та самая полигенетичность художественных образов, которую Е. Ю. Колышева попыталась дешифровать в главе «о Боге» и «о дьяволе».

Остается удивляться смелости исследователя, обратившегося к рассмотрению комплекса проблем («Пространство света и тьмы в романе»; «Так кто же он – Воланд?»; «Иешуа Га-Ноцри – Бог или человек»; «Все будет правильно, на этом построен мир»; «"Разоблачение" и "наказание" в романе» и т. д.), которые многократно исследовались в булгаковедении в самых разных аспектах и смысловых преломлениях. Допускаем, что установка на целостное осмысление романа невольно заставляла диссертанта повторять уже хорошо известные тезисы, аргументируя их «восстановленным» текстом произведения. При этом в ходе анализа ключевых эпизодов Е. Ю. Колышева открывала незамеченные ранее структурные особенности романа. Например, «сказочный элемент "испытание – награда / наказание" является» «основой создания системы образов "московских" глав» (т. 1, с. 413). Однако вопросы поэтики все же остаются на периферии исследовательского внимания соискателя, занятого поиском новых фактических материалов, которые могут пролить свет на образы главных и второстепенных героев (образ мастера и его скрытые проекции на судьбу Н. Р. Эрдмана, образ барона Майгеля и его параллели с биографией Б. С. Штейгера), раскрывающихся по-другому после соотнесения их с архивными (еще не известными широкой общественности) источниками, ценными своей эмпирической конкретикой, обогащающей смысловое поле «Мастера и Маргариты».

Е. Ю. Колышева вносит свой вклад в изучение хронотопа романа, выявляя функции отдельных пространственных образов, приобретающих характер художественных универсалий («образ тучи как знак мировой катастрофы» (т. 1, с. 471), пространство тьмы / бездны и т. д.). Весьма неожиданной и ори-

гинальной оказывается интерпретация пространства «вечного дома», «символизирующего покой и данного мастеру в награду» (т. 1, с. 499), и соотносимого с дачей А. П. Чехова в Гурзуфе, которую посетил М. А. Булгаков в 1930 году. Нет никаких прямых доказательств того, что чеховский топос был художественно освоен автором «Мастера и Маргариты». Любопытные письма О. Л. Книпер-Чеховой и Е. Н. Коншиной, где ни разу не упоминается М. А. Булгаков, не могут, конечно, служить весомым аргументом для обоснования тезиса, будто бы «писатель мог видеть, слышать, ощущать на даче в Гурзуфе» (т. 1, с. 505) все, о чем мечтал мастер. Но сама по себе идея «включить традиции А. П. Чехова в рассмотрение пространства “вечного дома”» (т. 1, с. 520) заслуживает внимания и требует аналитического развертывания в перспективе, равно как и другие историко-литературные параллели, обозначенные соискателем.

Чрезвычайно важной типологической и историко-культурной связью объединены исследователем фигуры М. А. Булгакова и Мольера (на это в свое время указывала в письме Д. Пайперу Е. С. Булгакова). Е. Ю. Колышева установила документально и текстологически взаимозависимость романов «Мастер и Маргарита» и «Жизнь господина де Мольера»: «образ мастера стал результатом работы Булгакова над биографией Мольера» (т. 2, с. 64). Разумеется, эта духовная близость художников не ограничивалась исключительно аспектом отношения к власти, политический контекст, исследованный Е. Ю. Колышевой, тесно сопрягается с эстетическим и выходит во всеобъемлющую сферу искусства, в свете которого по-особому видится не только образ мастера, но и образ Ивана Бездомного, занимающий в трактовке романа соискателя одно из центральных мест. Не случайно Е. Ю. Колышева, предлагая собственную литературоведческую трактовку образа «задиры-поэта» vs «ученика мастера», не только опирается на черновики романа, но и выходит в область рецептивной эстетики, привлекая для анализа современный театральный контекст, в частности спектакль С. В. Женовача «Мастер и Маргарита», ломающий стереотипы восприятия булгаковского произведения. Вообще расширение диапазона

интерпретаций позволило диссертанту по-новому раскрыть сюжетно-образную структуру романа, внести принципиально важные уточнения в трактовку ключевых эпизодов и тематических пластов текста: так, например, «непосредственно в процессе письма» менялся и обогащался смысловыми нюансами образ Маргариты – «от ведьмы, охваченной ненавистью, к женщине, проявляющей материнское чувство и заступающейся за другого человека» (т. 2, с. 224).

Внутренняя динамика образов булгаковского романа, как доказывает Е. Ю. Колышева, явилась результатом перманентного «движения» текста, его изменений, обусловленных как собственно самой логикой художественного развития идеи, так и внелитературными обстоятельствами, вынуждавшими писателя отказываться от уже написанных сцен и эпизодов. Именно поэтому исследователь обратилась к «творческой лаборатории писателя» (т. 2, с. 230), показав, как преосуществлялся и трансформировался материал, в том числе и автобиографический: соискатель выявила «механизм перехода того или иного реального события в жизни Булгакова в его роман» (т. 2, с. 233), в истории мастера и Никанора Ивановича Босого раскрыла конструктивный способ порождения подтекста через «прием умолчания» (т. 2, с. 260), ключевой в организации повествования о столкновении «частного» человека с суровой политической действительностью XX века.

Каждый поворот исследовательской мысли Е. Ю. Колышева аргументирует уникальными документами, которые, между тем, при всей их несомненной ценности, значительно увеличивают объем диссертации. Было бы рационально вынести их в отдельные приложения (к примеру, пометы А. И. Солженицына на страницах романа «Мастер и Маргарита» и т. д.), что позволило бы сделать аналитическую часть работы более плотной и емкой.

Представленная к защите диссертация Е. Ю. Колышевой имеет очевидную теоретическую и практическую значимость, цель и реализующие ее задачи решены в достаточной степени убедительно, отмеченные нами недочеты и замечания лишь подтверждают актуальность, своевременность, научную со-

стоятельность исследования, которое, безусловно, поднимает новые проблемы, открывает новые перспективы для развития булгаковедения. Как всякое серьезное научное исследование, диссертация Е. Ю. Колышевой вызывает множество вопросов как общего характера, так и вполне конкретных, ответы на которые могут стать отправной точкой для дальнейших изысканий. Так, на странице 351 первого тома соискатель резюмирует: «Таким образом, Воланд не только выявляет пороки и наказывает их, но также следит за равномерным соотношением добра и зла в мире». Хотелось бы уточнить, что такое «равномерное соотношение» добра и зла в мире? Является ли зло онтологической реальностью и оправдывает ли зло автор и его протагонист? Все это темы дальнейшей научной дискуссии, к которой приглашает Е. Ю. Колышева.

Автореферат и публикации соискателя полностью отражают основное содержание работы.

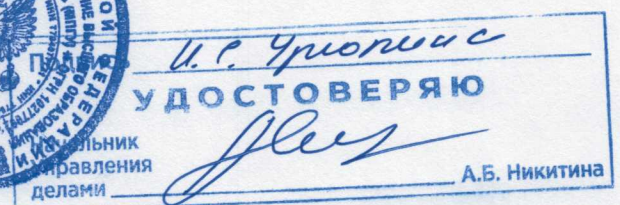
Диссертация «**Трансформация художественного замысла романа М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”**» соответствует требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор — **Колышева Елена Юрьевна** — заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки).

30 марта 2026 г.

Доктор филологических наук  
(10.01.01. Русская литература),  
доцент, профессор кафедры  
русской литературы XX–XXI веков  
Института филологии

Урюпин Игорь Сергеевич

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»



Сведения об организации:

108811, г. Москва,

119435, ЦФО, Москва, улица Малая Пироговская, дом 1, строение 1

Тел. +7 (499) 245-03-10

E-mail: [mail@mpgu.su](mailto:mail@mpgu.su); сайт: <https://mpgu.su/>

Против включения данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой данной диссертации, и их дальнейшей обработки, не возражаю.